

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

— 708 —

ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 22.

15-го Ноября

1876 года.

СОДЕРЖАНІЕ.— Не согрѣшай во множествѣ града, и не низлагай себе въ народѣ.

**НЕ СОГРѢШАЙ ВО МНОЖЕСТВѢ ГРАДА, И НЕ НИЗЛАГАЙ СЕБЕ ВЪ
НАРОДѢ. (Сир. 7, 7).**

Прекрасное правило общежитія! Изрекъ его Богодухновенный мудрецъ—сынъ Сираховъ: «и противъ общества не грѣши и себя пероной предъ обществомъ людей». Значить: будь всегда такимъ, какимъ свойственно быть человѣку общественному, и притомъ существу нравственно-разумному. А какимъ свойственно быть такому человѣку? Какъ онъ долженъ вести себя въ отношеніи къ обществу, въ которомъ живетъ, чтобъ избѣгать всегда погрѣшностей противъ своего общества и себя не ронять во мнѣніи людей благонамѣренныхъ?

Чтобы правильно отвѣчать на эти вопросы, нужно прежде разъяснить для себя, какое значеніе для человѣка имѣетъ общество. Значеніе общества для человѣка таково, что онъ не можетъ обойтись безъ него какъ по нравственно-духовной, такъ и по физической природѣ своей, въ какомъ бы ни находился званіи и состояніи, къ какому бы ни принадлежалъ возрасту и полу.

Кто не знает, что одиночество, совершенное отчужденіе отъ людей, и при всѣхъ удобствахъ въ жизни, тягостно для человека? А отъ чего это? Отъ того, что ему врождено влеченіе къ подобнымъ себѣ, что для души его такъ же необходимо взаимное сообщеніе мыслей и чувствованія, какъ для тѣла необходимы пища и нигіе. Отъ того то мы любимъ хотя изрѣдка бывать въ обществѣ людей, отъ того мы любимъ чтеніе книгъ и утѣша собесѣдованія. Только тяжкій преступникъ, преследуемый совѣстью и страхомъ законнаго осужденія, можетъ желать укрыться отъ людей, чтобъ не быть изобличеннымъ въ своихъ преступленіяхъ. А въ отношеніи къ высшимъ потребностямъ жизни рѣшительно невозможно человѣку обходиться безъ общества людей. И чѣмъ общество многосложнѣе и благоустроеннѣе, тѣмъ можетъ быть довольнѣе своимъ бытіемъ и счастливѣе каждый членъ общества, если только самъ не бываетъ причиною своихъ невзгодъ, лишеній и несчастія своего. Есть повѣствованія, что случайно заброшенные на безлюдныя острова по нѣскольку лѣтъ проживали совершенно одинокими; но ни одно изъ таковыхъ повѣствованій не говоритъ, чтобъ таковыя представители одиночества были довольны своею жизнію и нежелали бы возвратиться къ людямъ, если даже бывали они взрослые, образованные и ко многому приученные опытомъ и наукою. А что сказать о томъ, если подобной участи подверглись невозрастные, ни къ чему не приученные? Утеночекъ, только что выходитъ изъ яйца, какъ уже смѣло бросается въ воду и начинаетъ жизнь самостоятельную; а человѣку сколько потребно времени и условій, чтобъ онъ могъ начать жизнь самостоятельную и самодѣятельную! Да и достигши такого состоянія можетъ ли онъ самъ собою удовлетворить всѣмъ многоразличнымъ потребностямъ природы своей? Слѣдовательно общество необходимо человѣку, какъ источникъ удовлетворенія всѣмъ его потребностямъ душевнымъ и тѣлеснымъ. *) Правда, что

разумѣемъ здѣсь людей обыкновенныхъ, мірскихъ; то что святые подвижники проживали въ пустыняхъ уединенно по нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ напр. Марія Египетская, Антоній Великій и многіе другіе, то жизнь ихъ выходитъ изъ ряда обыкновенной жизни человѣческой. По благодати Божіей, на нихъ почивавшей, имъ и звѣри дикіе повиновались и олужали, и птицы небесныя приносили имъ пищу, и въ пустыняхъ безводныхъ открывалась для нихъ источники воды живої. При томъ же она и не была никогда одинокими. Чрезъ постоянную молитву и богомысліе они постоянно находились въ общеніи съ Богомъ, Ангелами и всѣми святыми, слѣдъ при рожденнаго человѣку потребность общества и въ нихъ удовлетворялась, какъ люди мірскіе удовлетворяютъ этой потребности чрезъ сообщеніе съ подобными себѣ людьми.

каждый человек или въ естественномъ состояніи въ самомъ себѣ имѣетъ всѣ условія къ тому, чтобы пользоваться всею тѣмъ, что Богъ создалъ и природа изъ года въ годъ производитъ для потребностей его тѣлесныхъ и что можетъ питать и развивать душу и сердце его; но только какъ условія, а чтобы всѣ эти условія могли осуществляться, для этого нужны ему весьма многія и разнообразныя пособія внѣшнія. И хотя этими пособіями онъ вездѣ и всегда окруженъ, но безъ руководства иныхъ оцъ не уразумѣетъ, въ нихъ даже и не замѣтитъ, а съ иными не овладѣетъ своими только силами, безъ помощи сторонней.

Есть въ немъ силы тѣлесныя, чтобы овладѣвать вещественными потребностями для него, но, безъ опытности, его силы безсильны для одолѣнія и нетруднаго чего нибудь, а безъ вооруженія и развитыя силы своими онъ не можетъ одолѣвать многого. А въ обществѣ вѣками приготовлено все потребное для него — и возможность правильно и цѣлеобразно развивать и направлять къ дѣлу силы тѣлесныя, или способны вооружать ихъ въ потребныхъ случаяхъ.

Есть въ немъ способность мыслительная, какъ условіе необходимыхъ для жизни знаній; но возможно ли одному человеку, безъ помощи другихъ, не только правильно и основательно познавать, но даже содѣлаться способнымъ къ тому, чтобы познавать хотя то, что относится къ многоразличнымъ потребностямъ его жизни животной? А съ познаніяхъ высшихъ, духовныхъ и говорить нечего, когда все человечество въ совокупности трудится надъ этими познаніями многія столѣтія и не успѣло еще дойти до того, чтобы можно было сказать: все уже исчерпано, раскрыто и разяснено и болѣе ничего уже не остается познавать. Ни одна наука не доведена еще до окончательнаго, завершенія своего; да надобно полагать, что этого и никогда не будетъ, ибо предметомъ каждой науки служить что нибудь изъ произведеній и изъ предѣловъ премудрости Божіей. Но можетъ ли ограниченная чело-вѣчeskій силой и всесторонне постигнуть безпредѣльную премудрость Божію? Скажутъ, можетъ быть: въ отношеніи къ потребностямъ животной жизни человеку достаточно одного истиннаго и бѣлой сообразительности, чтобы самому, безъ всякой сторонней помощи, найти способъ удовлетворить своимъ тѣлеснымъ потребностямъ, еслибъ пришлось ему жить одному въ какомъ нибудь безлюдномъ мѣстѣ? Справедливо, что истинность и сообразительность и въ животныхъ безсловесныхъ служатъ главнымъ орудіемъ само-сохраненія и въ человекѣ тѣмъ болѣе. Случайно ли бытъ очевид-целью, что можетъ сдѣлать истинность и сообразительность въ край-ней нуждѣ въ крошечномъ пернатомъ? Захотѣли испытать щегленка, каковыя ли онъ, какую нибудь помышленность и сообразитель-

ность. Для этого дали ему свободу летать по комнатам и не кормить его день и другой; а въ поперегъ оконной лутки укрѣпили жердочку и на этой жердочкѣ повѣсили на ниткахъ два наперстка, какіе надѣваютъ женщины на палецъ, когда шьютъ. Одинъ изъ этихъ наперстковъ наполнили коноплянымъ сѣменемъ, а другой водою. Когда щегленомъ проголодался и увидѣлъ пищу, то началъ садиться на наперстокъ съ сѣменемъ, но наперстокъ качается и ему неудобно даже усидѣть на немъ и схватывать сѣмена; такимъ образомъ цѣлый день трудился онъ и все безъ успѣха; на другой такая же безуспѣшность. Наконецъ, къ удивленію всѣхъ, щегленокъ придумалъ способъ воспользоваться пищею и питіемъ: сѣлъ на жердочку и давай подтягивать къ себѣ наперстокъ съ пищею; одною лапкою подтянегъ нитку, а другою придавить, пока не подтянулъ наперстокъ съ пищею къ самой жердочкѣ, тогда обѣими лапками придавилъ нитку, чтобъ она неопускалась, и началъ утолять голодь свой. Такимъ образомъ и напился изъ другаго наперстка. Неоспоримо, что человекъ, какъ существо разумное, тѣмъ болѣе можетъ придумывать способы къ защищенію себя отъ угрожающей опасности лишиться жизни отъ голода, холода и жажды; но на это потребно довольно времени и неизбѣжны многія ошибки и неудачи, и пока достигъ бы успѣха въ попыткахъ своихъ, находясь одинъ въ пустомъ, безлюдномъ мѣстѣ, достигнутый напр. стужею и не успѣвъ приготовить себѣ какое либо одѣяніе и жилище, неизбѣжно долженъ былъ бы погибнуть. Слѣдовательно только въ благоустроенныхъ и просвѣщенныхъ обществахъ возможно человеку удовлетворять всѣмъ потребностямъ жизни и научаться всему полезному и необходимому. Многимъ мы пользуемся въ обществѣ и безъ собственнаго знанія и умѣнья, а только по довѣрію къ опытности другихъ.

Есть въ человекѣ свободная воля, чтобы стремиться къ добру и совершенству нравственному, какъ главной цѣли бытія своего. Но пустите его въ міръ Божій безъ всякой опытности, безъ всякихъ знаній, безъ правилъ вѣры и доброй нравственности, къ чему доведетъ его свободная его воля? И въ этомъ отношеніи человекъ безъ просвѣщеннаго общества можетъ доходить до состоянія дикихъ звѣрей, какъ это видно изъ описаній дикихъ островитянъ, и доселѣ ведущихъ жизнь мало чѣмъ отличную отъ жизни звѣрей, — какъ еще ближе видимъ это наварварахъ мусульманахъ, чѣмъ можетъ быть человекъ безъ истинной вѣры, безъ здраваго просвѣщенія.

Есть въ человекѣ сердце, есть нравственное чувство, чтобы сочувствовать всему доброму и прекрасному въ мірѣ Божіемъ, наслаждаться имъ и быть счастливымъ. Но, чтобъ это дѣйствительно осуществлялось, нужно кроющееся отъ рожденія въ сердцѣ

его зло если не искоренять совершенно, то по крайней мѣрѣ ограничивать добрымъ ученіемъ, чтобъ пробудить чувство нравственное и сердце сдѣлать способнымъ плѣняться истинно добрымъ и прекраснымъ, а всѣмъ злымъ и безобразнымъ гнушаться. Но гдѣ найти эту нравственную грачевницу въ просвѣщенныхъ и благоустроенныхъ обществахъ? А собственное, самоличное развитіе, если только оно возможно, скорѣе можетъ получить злое направленіе, нежели доброе, потому что въ падшемъ состояніи рода человѣческаго *лежитъ помысленіе чловѣку на злая отъ юности его*, какъ гласитъ слово Божіе. Въ этомъ поврежденномъ состояніи чловѣка всѣ его способности душевныя можно уподобить искрамъ, заключающимся въ кремнѣ. Какъ эти искры никогда не обнаружатся, если не послѣдуетъ ударъ стали о камень, такъ и добрыя чувствованія, мысли и желанія не возсіяютъ въ душѣ чловѣка, если не пробудить и не приведетъ ихъ въ дѣятельность какая нибудь сродная имъ нравственная сила или причина извнѣ.

Такимъ образомъ благоустроенныя общества суть какъ бы нравственныя утробы, порождающія себѣ нравственно-добрыхъ чадъ, питающія, руководящія и защищающія ихъ отъ всякихъ посягательствъ на ихъ честь, свободу и права. А отсюда уже само собою явствуется, какъ долженъ вести себя каждый членъ общества въ отношеніи къ своему обществу, чтобъ не грѣшить противъ него и себя не ронять предъ народомъ.

Если общество, какъ мы видѣли, существенно необходимо чловѣку и въ отношеніи благоденствія, продовольствія, защиты и безопасности личной и имущественной, и въ отношеніи совершенствованія умственнаго, нравственнаго и религіознаго; то слѣдуетъ, что каждый членъ общества долженъ относиться къ своему обществу какъ благодѣтельствованный къ своему благодѣтелю, какъ защищаемый къ защитнику своему, какъ напитанный къ питателю своему, какъ наставляемый къ наставнику своему, какъ руководимый къ руководителю своему. Все это само собою опредѣляется природными намъ инстинктами и нравственно-сознательными побужденіями и чувствованіями, и неменѣе сильнымъ требованіемъ чувства справедливости. Разумно ли и нравственно ли было бы, еслибъ мы стали засорять всякими нечистотами тотъ источникъ, изъ котораго пьемъ воду? Можно ли было бы одобрить того благодѣтельствованнаго, который не питалъ бы въ душѣ своей признательности къ своему благодѣтелю, а еще сталъ бы вредить ему? Только свиньѣ свойственно подрывать корни того дуба, желудями котораго питается и жирѣетъ отъ того.

Скажетъ кто нибудь: не общество, а я самъ устрою и упрочиваю свое благоденствіе и довольство, своимъ трудомъ, своимъ ремесломъ, которымъ владѣю въ совершенствѣ, своею заботливо-

стию о себѣ, своею бережливостію въ плодахъ своего труда? Но, достоуважаемый труженникъ! оставь общество и удайся въ степи уединенныя и дѣла дремучіе. — Кто тамъ по нуждается въ твоихъ трудѣхъ? Кому тамъ прийдется искусныя произведенія твои и кто тамъ вознаградить тебя за оныя? И самое искусство твое гдѣ ты приобретаешь, какъ не въ обществѣ? Могъ ли бы ты быть хорошимъ плотникомъ или столяромъ, искуснымъ хлѣбопашцемъ, какимъ угодно ремесленникомъ и производителемъ, если бы никогда не жили въ обществѣ людей искусныхъ во всемъ этомъ? Могъ ли бы ты быть дѣльнымъ чиновникомъ, хорошимъ наставникомъ поощества, искуснымъ законовѣдцемъ, если бы общество не приготовило тебѣ ко всему этому въ своихъ образовательныхъ заведеніяхъ, и не дало бы тебѣ права занять такой или другой видъ дѣятельности общественной? Ступай въ Турцію и, подыгнетомъ осифовыхъ пашей, звѣробразныхъ башибузуковъ, арнаутовъ и черкесовъ, усурой и упрочивай свое благоденствіе и довольство. Тамъ ты увидишь и уразумѣешь, что для личнаго благоденствія, довольства и спокойствія недостаточно ни самаго усильнаго труда, ни самаго высокаго образованія, ни самой неподкупной честности и благонамѣренности тамъ, гдѣ нѣтъ порядка и благоустройства общественнаго.

(2-е чтеніе).

Изъ сказаннаго прежде явствуетъ, что грѣшатъ противъ общества и себя роняютъ во мнѣніи благонамѣренныхъ людей тѣ, которые, выросши и воспитавшись въ обществѣ и пользуясь дарованными правами, льготами и удобствами, не питаютъ къ нему въ душѣ своей никакого благорасположенія и признательности, не обращаютъ и не желаютъ обращать никакого вниманія къ общественному благу, къ общественному благоустройству и порядку, остаются такъ же равнодушными ко всему этому, какъ въ проѣздѣ остановившійся ни почлегъ путешественникъ, который о томъ только заботится, чтобъ ему было удобно и спокойно переночевать, — которые готовы даже посягнуть на всякій ущербъ и всякія невзгоды общественныя, лишь бы соблюсти своей интересъ, лишь бы изъ всякихъ сношеній и связей общественныхъ извлечь свои выгоды. Къ числу таковыхъ относятся не только тѣ, которые, будучи уполномочены на что либо отъ общества, не радятъ объ исполненіи порученнаго имъ, а стараются только высказывать свое превосходство предъ другими; если получаютъ какую либо власть начальственную, дѣлаются недоступными для нуждающихся въ ихъ законномъ дѣйствіи; если поручаютъ имъ употребить изъ достоянія общественнаго какія либо расходы на пользу общественную, то не столько

стараятся, — о возможно лучшемъ и выгоднѣйшемъ, для общества исполненіи порученія, сколько ни то, чтобы себѣ извлечь болѣе выгоды, хотя бы то въ ущербъ совершенства выполняемаго порученія.

2.) Грѣшать противъ общества тѣ перашливые члены его, которые, безъ поужденія полицейской власти, и улицу свою засоряютъ всякими нечистотами, и у себя въ домѣ и въ дворѣ не наблюдаютъ чистоты и опрятности. Таковыя перахи грѣшать противъ общества тѣмъ именно, что нечистотами своими заражаютъ воздухъ, налитанный злокачественными миазмами, вырождающимися отъ гніенія нечистотъ? Представивъ себѣ, что цѣлый городъ населенъ былъ бы такими неопрятными обитателями, что тогда могло бы происходить? Неизбѣжно происходило-бы то, что въ немъ они когда не переводились бы разнаго рода болѣзни. Безъ сомнѣнія, не одному изъ насъ случалось хотя мимоходомъ видѣть жителей въ мѣстахъ низменныхъ, болотистыхъ, и наполненныхъ разными гніющими тѣлами. Каковы тамъ жители? Ни одного человѣка не увидишь съ свѣжимъ и здоровымъ лицомъ, бодрого и сильнаго; всѣ съ желтыми лицами, съ тусклымъ взоромъ, вялые, въ работѣ медленные и неповоротливые.

3.) Сильно грѣшать противъ общества и тѣ корыстолюбцы, которые, чтобы извлечь возможно болѣе для себя выгоды отъ продажи предметовъ потребленія для всего населенія, стараются, сколько можно болѣе захватить въ свои руки таковыхъ предметовъ, и потому на столько возвышаютъ цѣну на нихъ, что они для многихъ дѣлаются недоступными. Отсюда великое происходитъ зло. Люди бѣдные, трудомъ только снискивающіе себѣ пропитаніе, терпятъ отъ этого двоякія невзгоды, и въ отношеніи экономическомъ, и въ отношеніи здоровья. Не имѣя возможности покупать, на скудныя заработки свои, все нужное для жизни добройкачественное, волюшъ удовлетворяющее жизненнымъ потребностямъ, они пользуются только тѣмъ, что есть худшаго, болѣе или мѣнѣе поврежденнаго, потому только дешевле продаваемаго. Потому лица бывають у нихъ грубая, часто нездоровая; одежда и обувь мало защищающія отъ вреднаго вліянія стихій; жилища сырыя и смрадная, сильно вредящія здоровью; да и на такіе подоброкачественныя предметы жизненныхъ потребностей иногда недостаетъ скудныхъ ихъ заработковъ. Каковы же бывають послѣдствія всего этого? Разстройство здоровья и крайнее обнищаніе. Вотъ что умножаетъ нищенство, которое такъ сильно обременяетъ нами общества. Неоспоримо, что много есть нищенства недобросовѣстнаго. Много есть такихъ лукавыхъ членовъ общества, которые попрошайство обращаютъ для себя въ промыселъ. И таковыя много грѣшаютъ противъ общества. Отъ нихъ происходитъ двоякое зло; они

восхищаютъ то, что по праву принадлежитъ истинно нуждающимъ въ помощи другихъ, какъ по слабости силъ, по калѣчеству и разнымъ несчастнымъ случаямъ приводящимъ въ унищаніе; а съ другой стороны производятъ охлажденіе къ благотворительности въ могущихъ благотворить, которые, будучи осаждаемы ежедневно многочисленными просителями подавнія, находящимися иногда въ удовлетворительномъ состояніи здоровья, невольно приходятъ къ мысли: не обманщики ли это, не лукавые ли это лѣнты? Таковыхъ именно попросаекъ разумѣлъ Премудрый Сынъ Сираховъ, когда говоритъ: *Сынъ мой, не живи жизнью нищенскою: лучше умереть, нежели просить милостыню. Кто засматривается на чужой столъ, того жизнь не жизнь,—онъ унижаетъ душу свою чужими яствами... Въ устахъ безстыднаго сладкимъ покажется приношеніе милостыни, но въ утробѣ его огонь возгорится.* (Сир. 40, 29—32).

4.) Много есть нравственныхъ золъ и злодѣлателей для общества, и всѣ они тѣмъ болѣе зловредны, что болѣею частью и незаметны бывають въ то самое время, какъ разстриваютъ и растлѣваютъ общества въ самомъ основаніи ихъ. Къ числу таковыхъ должно отнести: вреднаго направленія празднословіе, кощунства, клеветы и осужденія. Иной, чтобъ быть пріятнымъ и занимательнымъ въ обществѣ, даетъ волю своему языку и, не щадя ничего, обо всемъ судить ирядить, какъ на мысль ему взбрѣдетъ. Легкомысленно и вольнодумно смотря на все, все оуждаеть и язвить, и дѣйствія и распоряженія правительства, и жизнь и поступки ближнихъ, не стыдится изрыгать вольномысліе свое на церковь и ея учрежденія; и богослуженіе не подходитъ подъ его испорченный вкусъ, потому что оно кажется ему слишкомъ продолжительнымъ и не такъ торжественнымъ и великолѣпнымъ, какъ ему хотѣлось бы, и посты, по его понятіямъ, излишни и несовременны, и въ ученіи вѣры и церкви на многое дерзаетъ наводить сомнѣніе и недовѣріе. Сі умысломъ ли все это говорится, или безъ умысла, какъ говорятъ, для препровожденія только времени и занятія чѣмъ нибудь компаніи, послѣдствія отъ этой необузданной болтовни одни и тѣже: развращеніе нравовъ и совращеніе съ пути здравыхъ понятій. Ибо не всѣ въ обществѣ бывають на столько тверды въ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ, чтобы не увлекаться такими превратными мнѣніями и сужденіями, если приходится часто и отъ многихъ выслушивать ихъ. Особенно губельно вліяють подобныя вольномыслія на дѣтей и на юношей, не укрѣпившихся въ правомысліи, если и они присутствуютъ въ подобныхъ компаніяхъ и часто слышатъ такія легкомысленныя сужденія и мнѣнія. Потому-то премудрый сынъ Сираховъ говоритъ: бесѣда глупыхъ отвратительна, и смѣхъ ихъ въ забавѣ грѣхомъ. (Сир. 27, 14), *въ рѣ-*

часть слава и безчестіе, и языкъ чело­вѣка бываетъ паденіемъ ему: Не прослыви наушникомъ, и не коварствуй языкомъ твоимъ (Сир. 5 15—18, ибо на волю стыдъ, и на двоязычномъ—злое порицаніе. (Сир. 9, 23). Боятся въ городъ дерзкаго на языкъ, и не­навидятъ опрометчиваго въ словахъ. (Сир. 21 31). Наушникъ оскверняетъ свою дуту, и будетъ ненавидимъ вездѣ, гдѣ толь­ко жить будетъ. Наушникъ и двоязычный да будутъ прокляты, продолжаетъ премудрый; (Сир. 28, 15—20), ибо они погубили многихъ жившихъ въ тишинѣ. Языкъ третій многихъ поколе­балъ и изгонялъ ихъ отъ народа къ народу, и раззорялъ укрѣ­пленные города, и ниспровергалъ дома вельможъ. Языкъ тре­тій изгналъ доблестныхъ женъ, и лишилъ ихъ трудовъ ихъ. Внимающій ему не найдетъ покоя, и не будетъ жить въ тишинѣ. Ударъ бича дѣлаетъ рубцы, а ударъ языка со­крушаетъ кости. Многие пали отъ острія меча, но не столько, сколько падшихъ отъ языка. Счастливы, кто укрылся отъ него, кто не испыталъ ярости его, кто невлачилъ ярма его, и не связанъ былъ узами его. Потому для словъ твоихъ сдѣлай вѣсъ и мѣру, и для устъ твоихъ дверь и запоръ.

5) Вредятъ обществу и себя роняютъ во вниманіи благо­правныхъ людей всѣ тѣ члены общества, которые какимъ бы то ни было образомъ высказываютъ недобропорядочность жизни и по­ступковъ своихъ, какъ-то: небрежные въ хозяйствѣ своемъ, нерад­ивые и неосмотрительные въ веденіи дѣлъ своихъ, дѣшвые, няя­ствующие, склонные къ обманамъ и насадію всякаго рода. Отъ нихъ весьма много происходитъ зла для общества и въ нравствен­номъ и матеріальномъ отношеніи.

Первое и наибольшее зло отъ нихъ то, что они примѣромъ своимъ развращаютъ нравственность общественную. Могутъ ли, напр. дѣти таковыхъ быть добропорядочными людьми, когда по­стоянно видятъ дурные примѣры на отцахъ своихъ? Могутъ ли меньшіе братья не увлекаться нравственною распущенностію стар­шихъ братьевъ своихъ, сосѣдніе юноши примѣрами сосѣдей своихъ, люди одного класса изванія одночленцами своими? Отсюда—то происходитъ, что не рѣдкостію бываетъ встрѣчать и по одиночкѣ и цѣлыми толпами среди города шатающихся отъ пьяства и раз­вѣя непристойности выдѣлывающихъ юношей въ пятнадцать лѣтъ отъ того моложе, которые не только не стыдятся, но еще хвастаются удалствомъ своимъ. Отсюда происходитъ и то, что въ любомъ острогѣ не мало найдешь и такихъ малолѣтковъ, которые должны бы сидѣть за азбукой или на изученіи какого либо ремесла. Весь­ма точно и поучительно изображаетъ всю эту безпорядочность въ

жизни и послѣдствія ея премудрый Соломонъ, когда говоритъ: «хра-
 «нящій заповѣдь хранивъ душу свою, и предащій опустякъ своихъ
 «погибнетъ» (Притч. Солом. 19, 16-18, 10). Печальныи въ раб-
 «тѣ своей обрати речеотчетъ. Человекъ, сбившійся съ пути пра-
 «зума, подвергнется въ собраніи мертвецовъ. Кто любитъ васселіи
 «сбѣднѣть, а кто любитъ вино и стукъ, не разбогатеетъ. Не будь
 «между увѣнчивающимися виномъ, между пресыщающимися мясомъ
 «21, 16, 17, потому что Пьяница и предающійся обдѣвлюетъ; и
 «совлестъ одѣнѣтъ въ рубише. 23, 20-21. Не смотри на вино,
 «какъ оно краснѣетъ, какъ оно искрится въ чашѣ, какъ оно уха-
 «живается ровно, въ послѣдствіи, какъ змѣи, оно узуситъ, и жука
 «слить, какъ аспидъ; глаза твои будутъ смотрѣть на чужихъ женщ.
 «и сердце твое заговоритъ развратное; и ты будешь, какъ снѣгъ
 «среди моря и какъ снѣгъ на верху мачты. И скажешь: били ме-
 «ня, мнѣ не было больно; толкали меня, я нечувствовалъ. Когда
 «проснуся, опять буду искать того же. 23, 31-35.

Итакъ не грѣши противъ общество, и себя не роняй въ
 народѣ, потому что это и для общества вредно, и для тебя ги-
 бельно.

Свщ. Проконій Коронцевъ.

Редакторы: Прот. Ѳ. Никоновъ, Ключарь Прот. І. Адамовъ.

Печатать довол. Цензоръ Протоіерей Н. Палишкѣ. Ноябрь 15-й 1876 г. Воронежъ. Въ типографіи В. В. Мещерякова.